

«ГИТЛЕР ПОДАРИЛ НАМ СТРАНУ...»*

История Штефана Шустера, кинематографиста, человека, и его последнего фильма в воспоминаниях, в фото- и кинодокументах, свидетельствах очевидцев, музыкальных клипах, рекламных роликах и прочих дошедших до наших дней материалах, так или иначе имеющих отношение к произошедшему, как при его жизни, так и после.

С комментариями и уточнениями главного героя, на достоверность которых можно полагаться даже в том случае, если некоторые из приведенных фактов не вполне соответствуют общепринятой исторической реальности. Потому что не каждая правда — истина и не каждая истина — достоверна.

* Перефразированное название лживого пропагандистского фильма «Фюрер дарит евреям город», снятого нацистами в годы Второй мировой войны для Красного Креста ради демонстрации якобы благополучной жизни сегрегированного национального меньшинства в трудовом лагере в Терезине (*Прим. издателя*).

Кинематограф. Три скамейки.
Сентиментальная горячка.

О. Мандельштам

Воспоминания кого-то из умерших сохраняются еще непродолжительное время и после его смерти. Лишенные необходимого для их сбережения и существования мозгового вещества, еще недавно исправно снабжаемого по кровотокам питательными и бодрящими субстанциями, эти воспоминания струятся по сделавшимися вдруг нематериальными тропинкам памяти. Эпизоды прошлого еще сменяют друг друга, все более ускоряясь в стремлении победить в безнадежной гонке с небытием до тех пор, пока не исчезнут вовсе. Усопшему не всегда удастся отличить настоящее от прошлого — с хронологией у него дела обстоят не ахти как.

Спасибо и на том, что после утраты родного, привычного тела мне вообще удалось что-то запомнить.

Возможно, все дело в профессии: долгие годы я работал кинорежиссером, а зрительные образы — основа моего ремесла. Удивительная профессия, пожалуй, самая удивительная из всех известных. При удачном стечении обстоятельств режиссер может

создать новый, вполне себе реальный, не существовавший до него мир.

Бог тоже создает миры: разумеется, у него они более материальны и устойчивы, а творение кинорежиссера хранится на киноплёнке и возникает, лишь когда через нее пропускают свет.

Есть еще один факт, делающий сравнение режиссера с Богом вовсе не абсурдным и притянутым за уши, а вполне законным и обоснованным.

Думаю, что после всего произошедшего Бог мог бы и извиниться, но от него вряд ли этого дождешься.

Спустя много лет после моей смерти возле дома, где я жил в Берлине на Ноллендорфплатц, установят памятную металлическую пластину размером 10 на 10 сантиметров. Она вмонтирована в тротуар возле подъезда. «Штефан Шустер — кинорежиссер, 1895–1940 гг.» — выгравировано на ней. Строго говоря, 1940 год не является годом моей смерти, он лишь указывает, когда меня окончательно выселили из моей квартиры у фрау Густавы. Это касается большинства людей, в память о которых устанавливают подобные памятные указатели. Из-за неразберихи с архивами и массовости жертв установить точную дату моей смерти было весьма затруднительно. Впрочем, для меня теперь это не так уж и важно.

(Кстати, если вас это заинтересует, в интернете можно ознакомиться с общественной инициативой установки по всей стране упомянутых памятных знаков с именем и фамилией незаконно репрессированного гражданина. Эта программа была запущена в начале 2000-х годов).

В тот день я лежал на зеленой траве огромного луга и смотрел на небо с удовольствием и отдохновением. По голубому небу плыли облака, их очертания причудливо менялись в потоке воздушных масс. Стоял теплый весенний день третьего года Второй мировой войны. Хотя в то время еще не было принято присваивать номера мировым войнам — это вошло в обычай позднее.

Это был день начала строительства декораций моей будущей фильма. Через какое-то время по замыслу режиссера, моему замыслу, здесь, в пустом поле возникнут декорации города, а поселившиеся в нем персонажи заживут своей жизнью. На натурной площадке настояло руководство проекта, я бы предпочел павильон одной из знакомых мне берлинских студий. Съёмки в павильоне более рентабельны с производственной точки зрения, позволяют увеличить дневную выработку и уменьшить расходы. К сожалению, с принятием новых законов появляться на студии мне было запрещено.

Впрочем, нельзя не признать, что павильон лишен воздуха, а для моей фильма воздух, атмосфера, где происходит действие, чрезвычайно важны. Натура же позволит сделать ее по-настоящему реалистичной, придаст ей достоверность и правдоподобие. Я не был скован в выборе места съёмок для своей будущей картины, хотя законодательские нововведения и ограничивали мои перемещения по стране.

Конечно, вышеупомянутые законы и правила, которые приходилось соблюдать гражданам, не вполне разумны и справедливы, в этом нет никаких сомнений, хотя в правительстве было много достаточно здравомыслящих и приличных людей, понимающих

это не хуже меня. Бюрократические запреты, безусловно, можно обойти, имея нужные связи и заинтересованность начальства в том, что ты делаешь. А заинтересованность во мне у руководства была. Говорю это вовсе не из тщеславия, просто констатирую факт. Администрация любезно пошла мне навстречу и выправила документы для свободного передвижения по стране.

Я долго искал подходящее место для съемок, пока не остановился именно на этой территории. Места были живописные — невысокие холмы с растущими на их склонах одинокими деревьями придавали им особое очарование. Не случайно здесь много лет жили и работали замечательные живописцы, воспевающие сельскую идиллию, такие как Карл Шпицвег, Макс Либерман и Людвиг Диль.

Об этих местах мне подолгу рассказывала фрау Густава, в молодости она часто приезжала сюда со своим покойным мужем, известным художником. По слухам, сюда на пленэр наведывался и сам Гитлер, хотя точно этого никто не знает, жизнь великих часто обрастает слухами и легендами. Но ему, Гитлеру, здесь бы точно понравилось.

Помимо природных красот для успешного кинопроизводства важна масса других факторов. К примеру, где селить съемочный персонал и специалистов, как будут размещены актеры, далеко ли находится лаборатория для обработки пленки и цех киносъемочной техники, в каком состоянии дороги и коммуникации. Все это влияет на производственный график и календарно-постановочный план.

Сроки создания ленты были изначально поставлены очень жесткие, и нарушить их я был не вправе.

По не зависящим от меня обстоятельствам я какое-то время находился в творческом простое и теперь должен был ни в коем случае не подкачать с этой неожиданно представившейся мне возможностью. Сейчас, когда все формальности утряслись, нельзя не признать, что все сложилось к лучшему.

Здесь, в живописных окрестностях города Дахау, имелись все условия для комфортных съемок. Несколько приличных гостиниц и пансионатов, замечательные дороги, существовала даже взлетная полоса для самолетов, которую я собирался использовать для съемок финала картины. А неподалеку совсем недавно было организовано промышленное предприятие под одноименным названием «Дахау». Оттуда и решено было брать строителей для возведения декораций моей новой многосерийной фильмы «Фюрер подарил евреям город».

Колонна грузовиков, сопровождаемая легковым автомобилем, въехала на поле и остановилась, образуя в отдалении аккуратную линию. Из легковой машины вылез человек, чей светлый героический образ по многочисленным плакатам и кинолентам последних лет стал известен миллионам людей, и направился к Штефану. Это был его давний знакомый по кинематографу Ганс Шметерлинг. В прибывшем человеке все было прекрасно — и атлетическая фигура олимпийца, и волевые черты лица эллинского героя, и с иголочки сшитая форма офицера СС, сидевшая на нем как влитая. Оживший образ нации не мог не вызывать восхищения. Блондин, голубые глаза — без всякого намека на использование краски

для волос, контактных линз и каких бы то ни было на тот исторический период времени пластических операций и иных рукотворных вмешательств.

— Мадагаскар! — радостно воскликнул прибывший вместо приветствия и широким жестом обвел поле.

— Наконец-то ты запомнил текст! — позволил себе пошутить Штефан, хотя уже давно дал себе слово не допускать излишних вольностей с представителями властей.

Шметерлинг тактично сделал вид, что не обратил внимания на несколько неуместную, понятную лишь им двоим остроту, и величественно бросил Штефану пачку молотого кофе, которую тот ловко поймал на лету. Хороший кофе найти сейчас было непросто, да и не очень хороший тоже был в дефиците, но Шметерлинг исправно снабжал Штефана этим продуктом. То была некая благодарность за события недавнего прошлого, снисходительное проявление товарищеского участия и внимания к коллеге.

А ведь совсем еще недавно, в недалекое, с биологической точки зрения, отведенное человеку время, подумалось Штефану, этот писанный красавец, сгибаясь от заразительного хохота, терся башкой о мое колено, в восторге от моих же искрометных острот и не всегда пристойных шуток. Как он всячески старался услужить мне деликатными одолжениями, о которых его и просить не надо было!

К примеру, кто лучше Шметерлинга мог в любое время суток раздобыть дозу желательной для меня в тот творческий период шмали, или надежных американских гондонов, или просто поднести ведро со льдом.

Как все разительно изменилось с того осеннего дня, когда он подобострастно попросил у меня автограф. С этого автографа и началось наше общение, можно даже сказать, дружба. Тогда никто и предположить не мог, что этот паренек станет образом нации и постоянным спутником ее лидера.

Я-то всегда верил в его актерский успех, несмотря на то что на съемках этот идиот никогда не мог запомнить текст. Ведь и я приложил к этому руку, говорю без ложной скромности, с признанием частичной вины за содеянное. Но я и предположить не мог, что они с нами учудят. На первых порах эти поглощенные милитаризмом ряженые были комичны. Впрочем, не прими я во всем происходящем участия, это все равно случилось бы в силу объективных исторических, политических, социальных, антропологических, антропогеографических первопричин и прочих факторов с мудреными названиями. Не тяните меня за язык, я все равно не смогу разъяснить всего этого. Мне это безуспешно пытался растолковать один актер из массовки, в прошлом профессор философии Кенигсбергского университета, но всего я до конца так и не понял. Сам-то я, в силу профессиональной принадлежности, человек не слишком образованный.

*Архив Студии документальных фильмов ГДР.
Фрагменты интервью с режиссером Карлом Фрицем.
Двадцать лет спустя после съемок киноальманаха «Гитлер подарил евреям город»*

Мастеру стукнуло к тому времени 90, но он художественно сохранил ясность ума и твердость памяти. Почтенный старец был запечатлен на кинолентку возле

окна своей берлинской квартиры сидящим в кресле, в котором последние двадцать лет проводил большую часть свободного времени.

— Я знал Штефана с юности, разумеется, с его юности, — улыбнулся герр Фриц, — когда мы познакомились, я был уже зрелым кинооператором. Дело было на фронте. Начальство прикомандировало ко мне в качестве помощника солдата, у военных это называется вестовой. Этим порученцем и был рядовой Штефан Шустер. Он носил за мной камеру и коробки с пленкой, оптику доверять ему я не рисковал. Можно сказать, что именно со встречи со мной он и начал свой путь в кинематографе ассистентом фронтового кинохроникера.

Военные хроникеры подвиги совершают нечасто, скорее, мы — наблюдатели, создающие для будущих поколений свидетельства об ужасах войны. И уж совсем немислимо, чтобы подвиг кинохроникера был бы запечатлен на киноплёнку, в случае со Штефаном это получилось: у него изначально были врожденные кинематографические способности.

В тот день я собрался запечатлеть фронтовой сюжет под названием «Возвращение разведчиков с боевого задания». Мы со Штефаном расположились с кинокамерой в предоставленном нам небольшом окопе на передовой и ждали, когда в условленном месте отважные лазутчики выйдут к нашим позициям. Ждать их пришлось довольно долго; наконец показались трое. Они вышли из лесу и поспешно двинулись через поле по направлению к нам. Группа была уже неподалеку от линии проволочных заграждений, когда ее обнаружили французы, которые не преминули открыть прицельный огонь.

Ситуация осложнялась применением противником отравляющих газов, в тот день это был этилбромацетат, если мне не изменяет память. Клубы ядовитого вещества двигались в нашу сторону. И разведчики, и мы со Штефаном были вынуждены незамедлительно надеть противогазы.

И нам, и разведчикам было непросто — им совершать короткие перебежки, а мне еще и вести съемку. Один из лазутчиков замешкался и был подстрелен. Раненный, он застыл, запутавшись в колючей проволоке. Положение его оказалось критическим.

Вот тут-то, под пулями, к нему бесстрашно бросился мой ассистент.

На сохранившемся куске киноплёнки видно, как к нелепо застывшему в колючках спирали Бруно человеку бросается боец и помогает раненому освободиться. Потом обе фигурки в противогазах бегут в сторону камеры и снова падают.

— Вот тот, слева, и есть Штефан. Это было его первое появление на экране. Поверьте мне, я помню произошедшее вполне отчетливо.

«Человек в противогазе и есть Штефан Шустер», — звучит закадровый голос.

— Поистине, это был мужественный поступок, в тот день Штефан вытащил товарища по оружию, сам же получил достаточно серьезное ранение. За это он был награжден Железным крестом. Что же касается вашего нелепого утверждения, что спасенный Штефаном был Гитлер, это абсолютная чушь, я безоговорочно опровергаю такое нелепое измышление.

— Ну и что же, что ефрейтор? — раздраженно пожал плечами старец. — Разве Гитлер был единственным ефрейтором в нашей армии? Кроме него не было других ефрейторов?! И потом, дело происходило в Арденнах, я-то уж точно помню, а Гитлер воевал на другом участке фронта, это всем известно.

В этот момент ведущий интервью журналист прервал съемку и протянул собеседнику фотографию, которую принес с собой. На черно-белом снимке Гитлер и Шустер улыбались, глядя друг на друга. У обоих был вид людей, довольных как жизнью в целом, так и происходящим в конкретный момент. Видимо, фотография была сделана во время какого-то общественного мероприятия. Вокруг много людей. Один из присутствующих протягивал Гитлеру лист бумаги. Уточняющая надпись о времени и месте съемки на фотографии отсутствовала.

— Общеизвестно, что они были знакомы, и эта фотография лучшее тому подтверждение, — терпеливо подтвердил герр Фриц. — И что с того? Откуда эта странная фантазия, что ШШШ спас Гитлера? Возможно, он сам это выдумал для смеха. Покойный любил приврать.

Штефан Шустер лежал на зеленой траве, увлекшись восхитительными воспоминаниями былых дней. Над ним в сиреновом муаре плыли перисто-кучевые облака, вокруг был дивный германский мир, где толстые тетки, мелодично воркуя, ощипывают гусей, а издали доносятся ненавязчивый шум водяной мельницы и бесхитростная мелодия пастушьей свирели.

Я никогда не утверждал, что спас Гитлера, мысленно усмехнулся ШШ, все это выдумали полукриминальные еврейские оборванцы из бригады строителей, которые дразнили меня в первые дни нашего общения. Они были убеждены, что мне не следовало сотрудничать с властями, и придумывали про меня всякие нелепые небылицы. Упоминаю это так, к слову...

С Гитлером мы познакомились через несколько лет после окончания войны, на заре наших столь несхожих восхождений к вершинам профессий. К тому времени я имел в своем творческом багаже несколько эпизодических ролей, сделавших меня вполне узнаваемым у кинозрителей, и успешно дебютировал в качестве режиссера. Я жил в Берлине и снимал квартиру у фрау Густавы. С квартирой и хозяйкой мне определенно повезло, о чем я еще расскажу.

Гитлер же к тому времени успел отсидеть в тюрьме и по мере сил занимался политической деятельностью. Дела его шли ни шатко ни валко. Самые проницательные политологи того времени даже не подозревали о том, каких космических высот он вскоре достигнет.

Теперь в этом стыдно признаться, но при нашей первой, правильной сказать, единственной встрече мы с Гитлером сразу же почувствовали взаимную симпатию. Кто же тогда мог знать, чем все обернется? Гитлер в то время производил весьма пристойное впечатление и не вызывал никакого отторжения. Странно, что я его сразу не раскусил, уж я-то должен разбираться в людях, ведь это часть профессии кинорежиссера. Хотя, говоря по правде, это

также часть профессии политиков, а они, политики, его, Гитлера, тоже не сразу распознали.

В одно свежее и прохладное осеннее утро, сразу после замечательного завтрака я стоял на улице возле своего дома и курил. В то время эта привычка не вызывала всеобщего осуждения. Позже по инициативе Гитлера власти начнут предпринимать усилия по искоренению табакокурения, но это случится на несколько лет позже. Гитлер был убежден, что табак есть месь злокозненных краснокожих белому человеку за алкоголь и колонизацию. Возможно, оно и так, но курить я все равно не бросил, хотя Гитлер и прилагал к этому массу усилий. Надо быть объективным: он заботился о самочувствии нации и уделял много внимания здравоохранению.

Я с удовольствием сделал очередную затяжку, как вдруг из-за угла вышла и быстрой спортивной походкой прошла мимо меня девушка, лица которой я не успел разглядеть. На плече у незнакомки я с удивлением увидел висящий на ремне кофр кинокамеры «Аэроскоп».

У меня есть железное правило: когда ты смотришь вслед шагающей впереди незнакомке, изначально следует предполагать, что ее лицо и грудь не хуже ног и задницы. Конечно, могут случаться и разочарования, но проверять необходимо всегда.

Силуэт, подкрепленный легким ароматом духов, был многообещающим, да и ее ноша меня заинтриговала. Девушка с кинокамерой на осенней берлинской улице — что может быть романтичней и любопытней? Я глянул на часы, отбросил окуроч